

«По философским рельсам» Размышления о пользе и вреде философии для жизни

*For there is nothing
either good or bad,
but thinking makes it so¹.*

William Shakespeare
Hamlet, Act 2, Scene 2, Page 11.

О философии и псевдо-философии

Любая философия вынуждена постоянно воспроизводить саму себя, т.е. начинаться «с нуля». Ведь даже те идеи и мысли, которые известны человечеству с незабвенных времён, воспринимаются каждым, появившимся на «этот» свет новым поколением и новым человеком, заново. Кстати, идея «этого» (а вместе с ней и «другого») мира получила распространение благодаря прежде всего философии, которая с помощью этой идеи пыталась решить проблему смерти. Но к проблеме смерти я вернусь позже, а сейчас я хочу особо указать на тот момент, что философия принадлежит *живущему и существующему*, ибо духовное богатство человечества хранится не «само по себе», а в сознании конкретных людей. Даже если эти люди воспринимают дошедшие до них мысли, идеи, теории и концепции прошлых поколений как «чужие», они тем не менее являются для них «своими», ибо «чужое» лишь тогда становится для меня *чужим*, когда оно стало «моим», т.е. стало объектом *моего* восприятия и *моей* рефлексии. Только в «моём», а не в другом, сознании *чужое* может стать для меня «чужим». Также об этой проблеме, т.е. проблеме своего/другого/чужого, которая является проблемой

¹ «Нет ничего ни хорошего, ни плохого — это мышление делает всё таковым». Уильям Шекспир «Гамлет» (акт 2, сцена 2).

человеческого (само)восприятия, а в широком смысле слова и проблемой человеческого сознания, рефлектирует философия. Но этим её задачи, конечно, не исчерпываются. Главная цель философии заключается в том, чтобы познать сущность бытия и найти ответ на вопрос о смысле жизни. Исходя из сказанного, мы можем сделать вывод, что «философия», несомненно, позволяет себя дефинировать по отношению к тем познавательным целям и задачам, которые она преследует.

Но слово «философия» употребляется довольно часто и в другом значении, в котором оно обозначает всю совокупность накопленного человечеством духовного богатства, включающим в себя мифологические, религиозные, онтологические, эпистемологические, антропологические, этические и историко-философские знания. Философия, без всякого сомнения, является «богатством», которое, как, впрочем, и любое другое богатство, не в состоянии существовать вне живого и конкретного «Я». Именно это, существующее сейчас и теперь, «Я» является в *настоящий момент* хранителем и носителем всего, созданного человечеством в течение многих тысячелетий, многообразного духовного богатства. Я имею здесь в виду, разумеется, не индивидуальное, а универсальное «Я», олицетворением которого является человеческое общество. Однако в современном обществе возможности отдельного человека экстремально ограничены. Индивидуальное «Я» не в состоянии построить самолёт, судно или небоскрёб, но оно, что потрясает и поражает, способно также сегодня, как и тысячи лет назад, открыть новые философские идеи или обосновать оригинальные философские концепции. Начиная с Сократа (Σωκράτης, V в. до н.э.) и кончая Мартином Хайдеггером (Martin Heidegger, XX в. н.э.) философия, по сути, не изменила своего характера, потому что она осталась такой наукой, развитие которой определяют отдельные выдающиеся личности или индивидуальное «Я». Именно это — живое и противоречивое, далеко не всегда гениальное, но всегда уникальное —,

«Я» хранит в себе сейчас ВСЕ накопленные человечеством знания, включая и философские знания. Однако отношение этого «Я» к философии может быть очень разным и даже противоречивым. Конкретное «Я» может лишь прикоснуться к дошедшему до него философскому наследию, поразившись его многогранности и оригинальности, но оно может не только прикоснуться, но и добавить к философскому богатству свои, «выточенные» собственной рукой или собственным умом, драгоценные камни. Подобное происходит, однако, исключительно редко. Чаще всего к духовному наследию человечества добавляются не драгоценные, а обыкновенные камни или даже «философский мусор», который, перемешавшись с бесценными камнями, вводит нас в заблуждение. Именно здесь-то и лежит проблема философии, которая представляет собой смесь как драгоценных, так и обыкновенных камней. Каждый из нас, хотя бы раз, но оказывался в такой ситуации, когда на него вместо «драгоценных камней» обрушивался поток «философского мусора». Я имею в виду здесь тривиальные и посредственные философские труды, которые «производятся» на свет почти как и индустриальные продукты. По отношению к мыслителям, которые производят подобные «продукты», незабвенный Артур Шопенгауэр (Arthur Schopenhauer) остроумно заметил, что некоторые философы живут не «для» философии, а «от» философии. Однако сама философия, как это ни странно звучит, никакой ответственности за тот «мусор», который она в себе содержит, не несёт, ибо она его не производит! «Философский мусор» производят и потребляют конкретные люди, которые утратили способность отделять философские зёрна от плевел. Эти люди не в состоянии различать между философией и псевдофилософией, поэтому они часто принимают за «философию» то, что ею не является. Но ответственность за это несёт, опять же, не *пассивная* философия, а *активно* пользующийся ею человек!

Слово «философия» есть существительное женского рода. И эта, на первый взгляд, незначительная деталь имеет для неё далеко идущие последствия, ибо хрупкая и интеллигентная «философия» часто остаётся совершенно незащищённой перед грубой, неотёсанной и бесцеремонной силой, которая пытается её придавить или подчинить. Достоинство философии лежит в «любви к мудрости». Последняя предполагает наличие когнитивного потенциала (лат. *potentia*) или же когнитивных способностей, как, например, способности мастерски аргументировать, последовательно анализировать, логически обобщать и убедительно презентовать. Именно эти способности позволяют философии проникнуть в самую суть вещей. Не имея этих качеств философия никогда не смогла бы стать знанием, которое способно влиять на жизнь человека. Но разве может философское знание каким-то образом влиять на человеческую жизнь?

Безусловно. Убедительным примером мощного воздействия философии на человеческую жизнь служит *практическая философия*, которая не только описывает *de facto* существующие в человеческом обществе отношения, а активно формирует их. Нравственная философия теоретически обосновывает те этические принципы и нормы, которые *должны* лежать в основе межчеловеческих отношений. По этой причине она строго различает между такими модусами бытия как *существование* и *долженствование*. Благодаря философии, человек имеет представление не только о том, *что есть*, но и том, *что должно* быть. Различающий между *существованием* и *долженствованием* человек начинает активно и целенаправленно действовать, изменяя и преображая мир в соответствии со своими философскими представлениями. Однако его представления *должны* ведь быть научно обоснованными, а иначе его попытка «преобразовать» мир может привести не к улучшению, а разрушению

мира. За научное обоснование человеческих представлений о мире *должного* отвечает *нравственная* философия.

Но для чего она, собственно говоря, это делает? Ведь несмотря на то, что философия веками поставляет человеку научно обоснованные универсальные этические принципы и нормы, он тем не менее их не соблюдает и даже низвергает, заменяя их *другими* — псевдо-философскими — идеями, которые основываются не на универсальных принципах, а, например, на групповых интересах. Псевдо-философские идеи могут существенно навредить человеку и человечеству. Особенно большой вред они приносят человечеству тогда, когда начинают открыто пропагандировать насилие, классовую борьбу, расизм, революционный или религиозный экстремизм или же непримиримый фундаментализм. Но что интересно, также псевдо-философия, пропагандируя свои нетолерантные идеи, облачается в «философские одежды», пытаясь таким образом ввести в заблуждение людей. И ей действительно удаётся иногда вводить людей в заблуждение, а удаётся ей это только потому, что также она, как и традиционная философия, выполняет мировоззренческие функции, содержит нормативные представления и отражает чьи-то интересы, однако при этом она не стремится познать истину! Цель псевдо-философии заключается не в познании истины, а в реализации эгоистичных, расистских или человеконенавистнических интересов. По этой причине она, пытаясь скрыть свою свою *истинную* сущность, является людям в другом обличье. Таким образом псевдо-философия, надо признать, вступает в конкуренцию к традиционной классической философии. Эта конкуренция напоминает собой борьбу между «правдой» и «ложью», в которой «ложь», принимая образ «правды», становится чем-то похожей на неё. Очень точно по этому поводу выразился непревзойдённый «философ с гитарой» Владимир Высоцкий, заметивший в своей притче о правде и лжи, что

«Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть»².

Но не допустил ли Высоцкий в этом случае ошибку? Ведь люди обычно считают, что для того, чтобы обнаружить ложь, необходимо снять с неё все её «одежки», которые прикрывают и скрывают её истинную суть. А Высоцкий, наоборот, утверждает, что если мы снимем со лжи её «одежки», то тогда она будет выглядеть точно также, как и «правда». Следуя логике Высоцкого, разницу между «правдой» и «ложью» мы можем обнаружить не в обнажённых персонажах, а в их «одежках». Надо признать, что в этом высказывании Высоцкого скрыто зерно истины, ибо как философия, так и псевдо-философия используют, в принципе, *одни и те же* методы воздействия на человека — обыкновенный человеческий язык (слова и предложения), логику человеческого мышления, человеческие эмоции и чувства, а также силу человеческого убеждения. Мы можем сказать, что «одежки» правды и лжи сшиты из одного и того же материала, однако, отсюда следует, что мы должны обратиться к анализу не только «материала», но и «техники шитья» тех «одежек», в которые рядятся и «правда», и «ложь».

В переводе на философский язык это означает, что мы должны обратиться к структурному анализу той аргументации, которую «правда» и «ложь» нам поставляют, выяснить те познавательные цели, которые они преследуют, а также определить те ценности, на которые они опираются, т.е. мы должны основательно «порыться в их одежках». Это нам необходимо сделать, а иначе мы подвергнем себя опасности искажённого восприятия мира, которая угрожает нам повсеместно, о чём свидетельствуют псевдо-философские высказывания политиков, чиновников, военных и религиозных деятелей, которые тоже иногда

² Высоцкий, Владимир. Притча о правде и лжи. URL:
https://www.youtube.com/watch?v=m_OCB3mkVzU

пытаются рядиться в философские «одежки». Несмотря на то, что также они для пошива своих «одежек» используют философский «материал», их небрежно сшитые одеяния выдают их тут же с головой. Я приведу здесь два примера таких — «наспех сшитых» — философских суждений.

В первом примере речь идёт о выступлении начальника штаба Балтийского флота вице-адмирала Игоря Мухаметшина, давшему выстроившимся перед ним моряками краткую характеристику Канту и его философии (на такое способны, действительно, только вице-адмиралы!). В своём выступлении Мухаметшин на одном дыхании назвал немецкого философа Канта «предателем родины» (!), написавшим «какие-то непонятные книги», которые никто из моряков «не читал и никогда читать не будет»³. Мы могли бы и не обращать внимание на это нелепое высказывание, если бы оно не было публичным, если бы оно не было произнесено с высокой трибуны высокопоставленным лицом. Публичные высказывания формируют общественное мнение, поэтому мы не можем оставить их без внимания.

Таким же публичным высказыванием явились рассуждения на морально-этические темы депутата Госдумы Тамары Плетнёвой, призвавшей накануне ЧМ по футболу в России 2018 года всех российских девушек не вступать в сексуальной контакт с «другими расами» (!)⁴ У человека XXI столетия нет необходимости возрождать, принёсшую громадный вред человечеству, расовую терминологию, пакуя её к тому же в морально-этические «одежки».

Обращаясь к нравственной филомофии высокопоставленные политики забывают о том, что речь здесь идёт не о «своде правил» о хорошем и плохом поведении, а о научно обоснованных принципах,

³ См.: URL: <https://www.svoboda.org/a/29634881.html>

⁴ См.: цитата № 6: «Хорошо еще, если одной расы, а если другой расы — то вовсе. Мы своих детей должны рожать». URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/24/78693-parad-lyudoedov>

которые требуют глубоко как онтологического, так и антропологического анализа. Я не буду, однако, тратить здесь наше драгоценное время на анализ выше процитированных псевдо-философских суждений, замечу только, что «свято место пусто не бывает», ибо там, где отсутствуют философские знания, там все пустоты немедленно заполняются псевдо-философскими мнениями и рассуждениями. Но как это ни парадоксально звучит, также эти нелепые высказывания могут принести нам какую-то пользу, ибо они заставляют нас поставить вопрос о том, *как* человек *должен* обходиться с философией? Мы уже убедились в том, что мы с философией ни в коем случае не должны обходиться так, как с ней обходятся вице-адмиралы и депутаты, но тогда — *как?*

Как человек должен обходиться с философией?

Обращающийся к духовному наследию прошлых поколений, человек вполне может впасть в те крайности, которые так ярко и убедительно описал Фридрих Ницше (Friedrich Nietzsche) в своей знаменитой работе «О пользе и вреде истории для жизни». Свою задачу Ницше видел в том, чтобы исследовать «как положительную, так и отрицательную ценность истории» для жизни. Примечательным является тот факт, что Ницше начинает свою работу с цитаты Гёте (Johann Wolfgang von Goethe): «Мне, во всяком случае, ненавистно всё, что только поучает меня, не расширяя и непосредственно не оживляя моей деятельности»⁵. Надо сказать, что это

⁵ « „Übrigens ist mir alles verhaßt, was mich bloß belehrt, ohne meine Tätigkeit zu vermehren oder unmittelbar zu beleben.“ Dies sind Worte Goethes, mit denen, als mit einem herzlich ausgedrückten Ceterum censeo, unsere Betrachtung über den Wert und den Unwert der Historie beginnen mag.» Friedrich Nietzsche. Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben: In: Friedrich Nietzsche. Werke in drei Bänden. Band 1, Herausgegeben von Karl Schlechta. München: Hanser, 1954. S. 209 (рус. Ницше Фридрих. О пользе и вреде истории для жизни (1871-1873). Соч. в 2 т. Т. 1. Литературные памятники-М.: Мысль, 1990.- 829с.– С. 158).

высказывание Гёте, несомненно, позволяет применить себя не только по отношению к истории, но и философии. Ведь если философия будет только поучать, «не расширяя и не оживляя моей деятельности», то тогда она не будет востребована для жизни. Для того, чтобы стать востребованной или «полезной», философия должна стать частью жизни, должна позитивно влиять на неё, наполняя её смыслом. Но для этого человек должен *уметь* профессионально обходиться с ней!

В своей вышеназванной работе Ницше с помощью ярких и образных метафор описывает различные способы обхождения человека с прошлым, выделяя на их основе три характерных типа историков. А не попытаться ли нам, используя этот метод Ницше, точно таким же образом выделить различные типы философов? Я убеждён в том, что мы успешно можем это сделать, учитывая, разумеется, тот факт, что отношение философа к прошлому отличается от отношения историка к нему, что вполне объяснимо, ибо философа интересуют не политические, экономические и социальные события, а его интересуют философские мысли и идеи. Поэтому те опасности, которые поджидают историка на «его» познавательном пути, не всегда поджидают философа на «его» познавательном пути. Речь здесь, как читатель уже заметил, идёт о различных познавательных путях. И тем не менее также философ, начиная исследовать духовное наследие человечества, постепенно вырабатывает свою собственную позицию по отношению к нему. Эта позиция, как правило, складывается и формируется у него уже на начальном этапе изучения философии, т.е. в молодые годы. Сложившееся в юные годы у молодого мыслителя отношение к философии сохраняется, как правило, до конца его жизни. Поэтому я обращаюсь здесь к молодым философам, чьё отношение к философии только только начинает формироваться.

Итак, представим себе молодого начинающего философа, перед которым находится, сформированная человечеством в течение многих

тысячелетий, сложная и запутанная, состоящая из множества теорий, идей и концепций, «карта знаний», чем-то напоминающая собой сложную систему пересекающихся и одновременно удаляющихся друг от друга железных дорог. Все железнодорожные линии этой системы обозначены на карте в различных цветах и имеют свои соответствующие названия, как, например, «Логика», «Эпистемология», «Онтология», «Антропология», «Этика», «Социальная философия». Кроме того, каждая из этих линий имеет свои собственные «станции». Так, например, на эпистемологической линии мы обнаружим такие станции, как «Эмпирическая», «Рационалистическая», «Кантианская», «Марксистская» и «Структуралистская».

Надо сказать, что некоторые линии «карты знаний» ведут философа в неизвестном направлении, другие обрываются в самых неожиданных местах, а третьи заводят его в тупик (чего начинающий философ, к счастью, пока ещё не знает). Имея перед собой эту сложную и запутанную скрывающую в себе массу неожиданностей, открытий и, возможно, разочарований, дорожную карту начинающий философ попытается вначале определиться с конкретным направлением планируемого им философского путешествия. На процесс его выбора при этом могут оказать своё влияние, как совершенно случайные (напр., попавшаяся под руку философская книга), так и закономерные (напр., запланированное поступление на первый курс философского факультета), факторы. Но какие бы факторы не оказывали влияние на начинающего философа, ему принципиально предоставлена свобода выбора направления своей поездки. Однако после того, как начинающий философ определится с выбором своего направления и сядет в «философский поезд», он вынужден будет следовать в том направлении, которое он сам «выбрал». А это означает, что он будет продвигаться по проложенным другими философами путям. Он может, конечно, в любой момент покинуть свой «философский поезд»,

прекратив заниматься философией, но пока он находится в нём, он вынужден будет продвигаться в указанном другими направлении.

Надо сказать, что в реальной научной жизни дело обстоит именно так, как я это выше описал. Любой начинающий философ вынужден вначале «выбрать направление» своих исследований, ознакомившись с мыслями и идеями своих предшественников, т.е. он должен отправиться по указанному другими философами пути. До определённого момента начинающий философ, конечно, будет вынужден строго «следовать» чужим мыслям и идеям, но когда-то ведь его «философский поезд» прибудет на «конечную станцию» и тогда он неизбежно окажется перед принципиальным выбором — остаться сидеть в своём удобном и комфортном поезде или же, решительно покинув его, начать прокладывать рельсы в новом философском направлении. Замечу, что в реальной жизни молодой философ чаще всего предпочитает всё-таки остаться в своём удобном и комфортном «поезде», отказавшись от трудной, кропотливой и тягостной работы прокладки «новых рельсов». Осуждать его за это мы не имеем права, потому что его решение не наносит никому никакого вреда. Скорее, наоборот. Ведь занимающийся преподавательской и просветительской работой философ делает нужное дело и вносит важный вклад в распространение философских знаний, значительно уменьшая таким образом количество невежественных депутатов и вице-адмиралов. И это надо ценить! Но он при этом, надо откровенно признать, не сделает ни одного шага вперёд, т.е. не «проложит рельсы» в новом направлении, а также не положит в философскую копилку ни одного драгоценного камня, а будет, скорее, до конца своей жизни курсировать по проложенным другими философами путям. Именно такому, отказавшемуся от поиска новых путей и прокладки новых рельс, философу угрожает реальная опасность оказаться в одной из тех «ловушек прошлого», которые мастерски описал в своей упомянутой выше работе талантливый Ницше.

Тяготеющий к философскому наследию прошлого, неразрывно связанный с этим наследием и даже идентифицирующий себя с ним философ будет или (1) чрезмерно преклоняться перед великими мыслителями прошлого или же, наоборот, (2) относиться к ним довольно пренебрежительно.

Примером первого — *сверхлояльного* — отношения к философии может послужить строгая рекомендация, преклоняющегося перед великими мыслителями прошлого, специалиста: «Читайте Канта (Аристотеля, Гегеля, Маркса)»! Читать великих философов, конечно, необходимо, но, читая их, надо помнить и о том, что речь в этом случае идёт не о «Священном Писании», а о работах, несомненно, талантливых и незаурядных мыслителей, которые, однако, вполне могут содержать в себе ошибки и заблуждения.

Примером второго — *сверхкритического* — отношения к философии может послужить высокомерное высказывание, которое я случайно услышал на одной из философских конференций: «А я, вообще, не считаю Шопенгауэра за философа». Однако право произнести такую смелую фразу имеет только тот, кто внёс в развитие философии приблизительно такой же вклад, какой внёс в её развитие Шопенгауэр. И таких философов мы можем пересчитать по пальцам.

О вкладе Карла Маркса (Karl Marx) в развитие философской науки никто из нас сомневаться не будет. Но я позволю здесь высказать мнение, которое марксистам явно не понравится и будет ими, несомненно, отвергнуто. Я считаю, что философия Маркса принесла человечеству не только пользу, но и вред, потому что она включает в себя не только философские, но и псевдо-философские элементы, о которых мы говорили выше.

Маркс, несомненно, внёс значительный вклад в развитие как философской антропологии, так и социальной философии, однако, его, основанная на тезисе «классовой борьбы», модель нравственной

философии не является в строгом смысле «философией», потому что она включает в себя одни только групповые или «классовые», но не универсальные ценности (наличие последних марксизм принципиально отвергает). Марксистская философия представляет собой тот исключительно редкий случай в истории философии, когда одна и та же философская теория смогла не только принести «пользу» человечеству, но и нанести ему «вред». Однако для основательной интерпретации философии марксизма у нас здесь, к сожалению, времени нет. На один существенный момент в историко-философской концепции Маркса я тем не менее хотел бы указать. Речь идёт о марксистском понимании тех «ловушек прошлого», которые могут угрожать человеку и человечеству. Надо сказать, что анализ Маркса очень близок анализу Ницше, потому что как первый, так и второй обходятся весьма критично с прошлым и его «ловушками», описывая их образно и метафорично. В тоже время Маркс, в отличие от Ницше, практикует совершенно другой подход к прошлому, ибо он исследует влияние прошлого не на *отдельных личностей*, а на *общество в целом*. Маркс твёрдо убеждён в том, что традиции «старых поколений» могут нанести существенный вред стремящемуся к прогрессу обществу, ибо они

«тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто ещё небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая себе на помощь духов прошлого, заимствуют их имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освящённом древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»⁶,

⁶ Die Tradition aller toten Geschlechter lastet wie ein Alp auf dem Gehirne der Lebenden. Und wenn sie eben damit beschäftigt scheinen, sich und die Dinge umzuwälzen, noch nicht

В этом-то, по мнению Маркса, и заключается вред всей «старой философии», которая принуждает людей двигаться по проложенным другим «следам», препятствуя таким образом осуществлению революционных и прогрессивных общественных преобразований. Существенная черта любых «следов» заключается в том, что они действительно ведут человека в его прошлое, а не в его будущее⁷.

Следующий следам прошлого (*исследователь*), как правило, строго следует им, боясь от них уклониться, ибо он опасается их потерять. Однако у стороннего наблюдателя, перед глазами которого этот уникальный процесс «следования следам» разворачивается, невольно создаётся впечатление, что здесь не столько (*исследователь*) использует следы в своих познавательных целях, сколько «следы» используют (*исследователя*) в каких-то своих тайных и скрытых интересах.

Вышеописанная метафора строго «следующего следам прошлого (*исследователя*)», по моему мнению, очень точно отражает отношение человека к философии, которая тоже является своего рода «следом» или, точнее, духовным (*наследием*) прошлого. Ведь, прежде чем уйти, прошлые поколения успели (в хорошем смысле слова) «наследить», т.е. оставить нам свои мысли, идеи и традиции, которые были зафиксированы преимущественно в форме письменных «следов». И мы должны быть очень благодарны этим, давно нас покинувшим, поколениям за то, что они

Dagewesenes zu schaffen, gerade in solchen Epochen revolutionärer Krise beschwören sie ängstlich die Geister der Vergangenheit zu ihrem Dienste herauf, entlehnen ihnen Namen, Schlachtparole, Kostüm, um in dieser altehrwürdigen Verkleidung und mit dieser erborgten Sprache die neuen Weltgeschichtsszene aufzuführen. Marx, Karl Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. In: Marx, Karl / Engels, Friedrich Werke, Band 8. Dietz Verlag, Berlin/DDR, 1960.

Karl Marx/Friedrich Engels. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. In: Werke, Band 8. S. 111-207. Dietz Verlag, Berlin/DDR, 1960. S. 115 (рус. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 тт. Т. 8. Москва, 1957. С. 119).

⁷ Следы, могут возразить нам некоторые философы, могут вести человека не только в прошлое, но и в будущее. См. Буллер А. Три лекции о понятии «след». СПб.: «Алетейя», 2016.

успели «наследить», оставив нам в (на)*следство* массу интересных идей, теорий и концепций. Но Маркс этим «следам прошлого», как мы в этом выше убедились, нисколько не радуется, ибо он считает, что «старые» традиции и идеи мёртвой хваткой держат современного человека за горло, не давая ему свободно дышать и мыслить. Поэтому он настоятельно советует человеку решительно освободить себя от влияния «старых» и «мертвых» идей, радикально порвав с традициями ушедших поколений.

Человек XX столетия действительно (по)*следовал* этому совету Маркса (и опять здесь существенную роль сыграли «следы», которым люди часто (бес)сознательно *следуют*). Он решительно порвал с традициями прошлых поколений, причём сделал это с такой невероятной жестокостью, что теперь любого (*ис*)*следователя* (но только не (*по*)*следователя*) Маркса охватывает чувство ужаса, когда он узнаёт о тех невысказанных преступлениях, на которые пошёл стремящийся построить коммунистическое общество человек.

Убеждения революционного человека базировались на «философии насилия», в которой, как утверждает А.А. Гусейнов «средства и цели располагаются в качественно однородной нравственной плоскости и приближаются друг к другу настолько, что оказываются взаимозаменяемыми»⁸. В тех случаях, когда определённая «философия» стремится достигнуть своих целей любой ценой, она неизбежно принимает фанатичные формы. «Фанатичная философия» безоглядно низвергает и затаптывает в грязь обоснованные традиционной классической философией ценности и принципы. Всемирная история поставила нам бесчисленное количество примеров, которые наглядно демонстрируют нам моральные «срывы» человека, а также его попытки радикального «разрыва» с традиционной классической философией. Эти примеры

⁸ Гусейнов, А.А. Этика ненасилия. Вопросы философии. 1992. №3. С. 72-81. URL: <https://web.archive.org/web/20110808204414/http://www.philosophy.ru/library/vopros/23.html>

свидетельствуют о сложном характере человеческого отношения к философии. Но почему человек не в состоянии иметь *нормальное* отношение к философии? Почему он отказывается следовать обоснованным её принципам и нормам? Причина этого лежит в том, что философия не позволяет человеку ставить перед собой эгоистичные цели и следовать групповым интересам, одним словом, не позволяет ему поступать безнравственно. Однако «вина» философии лежит не только в её принципиальности, но и в бескомпромиссности. Ибо философия на все вопросы человека философия во все времена давала и даёт прямые, честные и бескомпромиссные ответы. Она говорит человеку не то, что он желает от неё услышать, а то, что она считает ему нужным сказать. Примером такого — бескомпромиссного, прямого, честного и даже беспощадного — ответа философии служит её ответ на вопрос человека: «Почему я должен умереть?»

Смерть как ключевая проблема философии

Тема смерти является ключевой философской темой, в которой пересеклись практически все главные проблемы философии — проблема отношения преходящего к непреходящему в жизни человека, а также проблема взаимоотношения случайного и закономерного в ней. Философия ставит вопросы о начале и конце жизни, а вместе с этими вопросами и вопрос о её смысле. Каким оптимистом человек не был бы, он прекрасно осознаёт тот факт, что его жизнь неизбежно придёт к своему концу. Перед лицом неизбежной и, можно даже сказать, биологически «запланированной» смерти человек вынужден задуматься о смысле своего временного существования. В тот момент, когда он начинает об этом задумываться, философия становится для него первой необходимостью.

Однако рефлектирующий о смысле своей жизни / смерти человек постепенно начинает осознавать тот факт, что философия не в состоянии дать ему внятный, чёткий и ясный ответ на этот важный вопрос, потому что и её познавательные возможности в этом случае являются ограниченными (хотя, поправлюсь, речь здесь в действительности идёт о познавательных возможностях не философии, а человека). По поводу познавательных возможностей философской науки решить проблему смерти довольно скептически выразился французский мыслитель Владимир Янкелевич (Vladimir Jankélévitch), заметивший, что философия не в состоянии познать смерть, ибо смерть является принципиально непознаваемой⁹. Но на каких аргументах базируется это довольно категоричное мнение Янкелевича?

Замечу вначале, что Янкелевич подходит к анализу смерти с эпистемологических позиций, ибо он ставит перед собой в первую очередь вопросы «технического характера» о том, *каким образом* человек воспринимает смерть, *где* он с ней обычно сталкивается и *что* он о ней думает?

Теоретически человек в состоянии воспринимать смерть с трёх возможных позиций, считает Янкелевич, а именно из перспективы ПЕРВОГО, ВТОРОГО и ТРЕТЬЕГО лица Однако в реальности человек не в состоянии воспринимать смерть с позиции ПЕРВОГО лица, ибо, как об этом очень точно выразился древнегреческий философ Эпикур (Επίκουρος), «пока мы существуем, смерть еще отсутствует; когда же она приходит, мы уже не существуем».

Также познание смерти с позиции ВТОРОГО лица, утверждает Янкелевич, является нереализуемой целью, ибо речь здесь идёт о потере близкого и родного человека. В этом случае смерть наносит человеку

⁹ Jankélévitch, Vladimir. La Mort Flammarion, 1977. Пер. Янкелевич В. Смерть. Москва, 1999. С. 34, 41, 211.

такой мощный эмоциональный удар, что он не в состоянии объективно или нейтрально судить о ней.

Человеку, таким образом, остаётся только одна возможность восприятия смерти, а, именно, возможность её анализа с позиции ТРЕТЬЕГО лица, которая, надо сказать, открывает ему самые различные перспективы для её интерпретации. Поэтому воспринимающий смерть с точки зрения ТРЕТЬЕГО лица человек может анализировать её как с позиции естественных, так и гуманитарных наук. Но ни одна, надо заметить, занимающаяся исследованием смерти наука, кроме философской науки, не в состоянии связать проблему смерти с вопросом о смысле человеческой жизни. Одна только философия в состоянии рассматривать эти два вопроса в одной взаимосвязи.

Кроме того, рефлектирующая о проблеме смерти философия обращается не только к прошлому, но и к будущему смерти и этим она принципиально отличается от других наук, как, например, исторической науки. Анализирующий проблему смерти из философской перспективы человек оказывается, можно сказать, в уникальной ситуации, потому что независимо от того, бросает ли он свой внимательный взгляд в прошлое или в будущее человечества, он везде видит одну только смерть. Бросив взгляд в прошлое человека философ, по аналогии с беньяминовским «ангелом истории», увидит в нём «растущую ввысь гору руин и трупов»¹⁰. Бросив взгляд в человеческое будущее, он почувствует в нём незримое присутствие ожидающей своего подходящего момента смерти, которая превращает всё человеческое существование в «бытие к концу» («Sein zu Ende»).

Понятие «бытие к концу» принадлежит Хайдеггеру, который наполнил философию смерти своими собственными терминами. Ему,

¹⁰ См. Walter Benjamin: Über den Begriff der Geschichte (1940). Беньямин Вальтер «О понятии истории». Журнал «Новое литературное обозрение». – 2000. – №46. – С. 81-90 (перевод Сергея Ромашко).

однако, и не оставалось ничего другого, ибо он пытался найти ответы на такие вопросы, которые человек неоднократно ставил и до него, но на которые он так и не смог дать ответа. Одним из таких вечных вопросов философии является вопрос о том, «что» *есть* человек? Я уже предвижу протесты читателя, и я соглашусь немедленно с ним в том, что вопрос — «что» *есть человек?* — звучит непочтительно и неуважительно по отношению к человеку, ибо он игнорирует разницу между одушевлёнными существами и неодушевлёнными предметами. Но я тем не менее считаю его вполне легитимным, ибо всё, что существует, существует прежде всего как «что-то», которое, в свою очередь, может быть и «кем-то», и «чем-то». С этой точки зрения вопрос «что *есть человек?*» вполне допустим. Однако Хайдеггер стремится проникнуть в самые глубины бытия, а потому его интересует не столько вопрос о том, «что *есть сущее?*», а, скорее, «почему *есть сущее, а не, наоборот ничто?* («*Warum ist überhaupt Seiendes und nicht vielmehr Nichts?*»).

В процессе поиска ответа на этот фундаментальный вопрос философии Хайдеггер вынужден был провести чёткую линию, позволяющую ему различать между непреходящим и преходящим бытием. Первое он обозначает как «*Sein*», а второе —, как «*Dasein*»¹¹. Человека, разумеется, интересует прежде всего его собственное существование, которое является «временным присутствием («*Dasein*»)), однако, понять своё временное и преходящее бытие человек может лишь по отношению к бытию как таковому («*Sein*»). Таким образом «бытие» и «здесь-бытие» («*Dasein*» и «*Sein*»), отличаясь друг от друга, в тоже время не могут существовать друг без друга.

Имеется и ещё один существенный момент, который объединяет «бытие» и «здесь бытие». Этот момент проявляет себя в том факте, что как

¹¹ «“*Sein*“ ist nicht so etwas wie *Seiendes*». Heidegger, Martin. *Sein und Zeit*. Elfte unveränderte Auflage. Tübingen: „Max Niemeyer Verlag“ 1967. S. 4. URL: https://taradajko.org/get/books/sein_und_zeit.pdf

первое, так и второе *существуют*, т.е. что они «есть». Именно в этом «есть» (нем. «ist» или «sein»), убеждён Хайдеггер, скрыта тайна бытия как такового. Всё, что «есть», существует во времени, ибо вне времени никакое существование невозможно. Отсюда следует, что ответ на вопрос «что *есть* бытие?» с необходимостью предполагает поиск ответа на вопрос — «что *есть* время?» Обе философские категории — «бытие» и «время — настолько тесно связаны друг с другом, что их невозможно рассматривать независимо друг от друга. Отсюда и заголовок знаменитой книги Хайдеггера «Sein und Zeit» (1927 г.).

Человеческое бытие конёчно, т.е. протекает во времени, а потому оно есть «бытие к концу» («Sein zum Ende»), которое, однако, ещё не является «концом бытия» («Zu-Ende-sein»). Речь здесь идёт о двух различных понятиях: если в первом случае мы имеем в виду отношение «здесь-бытия» к своему концу (отсюда и выражение «Sein zum Ende»), то во втором случае имеется в виду «конец бытия» как таковой («Zu-Ende-sein»), т.е. его финальное состояние, которое исключает после себя какие-либо другие состояния. Для Хайдеггера важно было указать на то, что смерть является не только финальным моментом человеческого существования, а она есть такое состояние, которое сопровождает человека на протяжении всей его сознательной жизни, наполняя её «смыслом».

Мысль о смерти действительно наполняет жизнь человека смыслом, но этот «смысл» далеко не всегда носит негативный характер, о чём свидетельствует рождённая мифологией фантастическая идея «бессмертной души». Эту мифологическую идею активно использовала позже и античная философия, которая не могла допустить абсолютного и тотального исчезновения умершего в бездне не-бытия, ибо подобное «исчезновение» не позволило бы привлечь человека к ответу за совершённые им при жизни поступки: «если бы смерть была концом

всему, она была бы счастливой находкой для дурных людей: скончавшись, они разом избавлялись бы и от тела, и – вместе с душой – от собственной порочности»¹², замечает по этому поводу древнегреческий философ Платон (Πλάτων). Смерть, таким образом, являлась важным, если не поворотным, пунктом, человеческого существования, в котором «человеческое действие» и его «моральная оценка» во временном отношении были строго разделены друг от друга. И если жизнь являлась «временем действия», то смерть символизировала собой наступление периода вечной «ответственности» за совершённые человеком при его жизни деяния. Таким образом идея «бессмертной души» превратила смерть не только в *этическую*, но и во *вневременную* категорию.

Своё дальнейшее развитие эта идея получила в философии христианства, которое призывало человека заботиться не о преходящих материальных ценностях, а о бессмертии своей души. Человеку надо бояться не того, что его душа когда-то покинет тело, говорил Аврелий Августин (Aurelius Augustinus), а того, что она будет оставлена Богом, ибо в этом случае наступит действительно абсолютная и тотальная «смерть всего человека», который утратит не только тело, но и оставленную Богом душу:

«смерть души бывает тогда, когда ее оставляет Бог; подобно тому, как смерть тела случается тогда, когда его оставляет душа.

Следовательно, смерть души и тела, то есть смерть всего человека, бывает тогда, когда оставляет тело душа, оставленная Богом. Ибо в таком случае ни она не живет Богом, ни тело не живет ею»¹³.

Человек, приходит к выводу *Августин*, должен всеми силами стремиться к тому, чтобы Бог не оставил его душу, потому что перспектива счастливой

¹² Платон. Федон. Этические выводы из учения о душе. URL: <https://grani.roerich.com/plato/txt/phaedo3.htm>

¹³ Августин Блаженный. О Граде Божиим. Творения (Том третий). Книги I-XIV. Кн. XIII. Гл. II. Под ред. С.И. Еремеева. Изд-во: «Алетейя». СПб/Киев, 1998.

райской жизни может открыться только для такой — не оставленной Богом — души.

К дискуссии о душе присоединились, разумеется, также материалисты и атеисты, которые, однако, считали это понятие «ничем необоснованным» и даже «не нужным», ибо «душа изображает знание и волю в их неразделимом единстве как нечто независимое от живого организма, что не позволяет себя никоим образом оправдать¹⁴, считал, например, Шопенгауэр, который искал причину всего существующего не в мифической идее о бессмертной душе, а в не менее загадочном понятии «воля к жизни». Действительной «вещью самой по себе» являются, по мнению Шопенгауэра, не недоступные человеческому познанию предметы внешнего мира, а вышеназванная «воля», конкретным (про)явлением которой и является человек. По отношению к непреходящей «воле» человеческая смерть представляет собой лишь «временный конец временного явления»¹⁵.

Но далеко не все атеисты считали идею «бессмертной души» «бесполезным» и «ненужным» понятием. Так, например, французский философ Мишель Фуко (Michel Foucault) указывает на тесную и даже неразделимую взаимосвязь между телом и душой, которые, как он считает, принципиально не в состоянии существовать друг без друга. На первый взгляд, говорит Фуко, душа является независимой от тела, ибо она в состоянии его покинуть, а также жить вне него или же без него, т.е. в состоянии существовать и после смерти тела. Но, с другой стороны, продолжает Фуко, весь смысл существования души, заключается в её

¹⁴ Дословно Шопенгауэр говорит: «...überhaupt ist der Begriff »Seele«, weil er Erkennen und Wollen in unzertrennlicher Verbindung und dabei doch unabhängig vom animalischen Organismus hypostasiert, nicht zu rechtfertigen, also nicht zu gebrauchen». Kap. 29 Die Welt als Wille und Vorstellung

¹⁵ «Nun ist der Tod das zeitliche Ende der zeitlichen Erscheinung» (перевод мой). Vgl. Ziegler, E. Einleitung zu: Schopenhauer, Arthur. Über den Tod. Gedanken und Einsichten über letzte Dinge. Hg. v. Ernst Ziegler. München: Verlag C.H. Beck 2010. S. 44.

противопоставлении телу. Если бы не было тела, то тогда не было бы смысла говорить и о душе! Источником всех человеческих утопий в действительности является не душа, а тело человека, приходит к выводу Фуко. Душа есть лишь «другое обозначение» того, что мы называем «телом», но именно душа, а не тело является «центром мира», именно она является той основой, на которой родилась и окрепла идея бессмертия человека.

«Я был не прав, считая, что утопии направлены против человеческого тела, которое они всегда стремились сокрушить. Утопии вышли из человеческого тела (=были рождены им), а потом уже обратились к нему. Одно находится вне всяких сомнений — человеческое тело является главным актёром любых утопий»¹⁶.

Именно «душа», отделив человека от природы, сделала его *человеком*. Благодаря «душе», человек стал не только жить, но и умирать как существо «разумное». В концепции «души», таким образом, нашла своё отражение идея *нематериальной и неприродной* сущности человека.

Кроме того, и это очень важный момент, «душа» наполнила человеческую жизнь высшим смыслом. Ибо лишённое «души» человеческое существование ничем не отличается от существования животного или растения. Пока человек верил в существование «души», он не имел никаких проблем со «смыслом» своей жизни. Но как только он потерял веру в «бессмертную душу», он вместе с ней, оказывается, потерял и смысл жизни. Однако человеческая жизнь насущно нуждается в «смысле», без которого она перестаёт быть «человеческой». Найти утерянный «смысл жизни» человеку в состоянии помочь философия. В этом и заключается её неоценимая «польза» для жизни.

¹⁶«J'avais bien tort, tout à l'heure, de dire que les utopies étaient tournées contre le corps et destinées à l'effacer: elles sont nées du corps lui-même et se sont peut-être ensuite rotournées contre lui» (перевод мой).
Vgl. Foucault, Michel. Les hétérotopies. Le corps utopique (dt. Die Heteropien. Der utopische Körper). Berlin 2005. S. 60.

Философия и проблема «смысла жизни»

Прежде чем говорить о «пользе» и «вреде» философии для жизни, нам вначале необходимо разобраться с понятиями «полезный» и «вредный». Общепринятая интерпретация этих понятий утверждает, что «полезным» для человека является то, что приносит ему выгоду, а «вредным» то, что приносит урон. Однако некоторые философские понятия принципиально не позволяют дефинировать себя с точки зрения «полезного» или «вредного». Подобным, не дефинируемым с точки зрения «полезности» или «вредности», понятием является «смерть», которая не может быть для человека ни «полезной», ни «вредной», потому что смерть, как это ни странно звучит, не имеет для него никаких последствий. Ведь для того, чтобы «иметь» последствия, надо их каким-то способом *пережить*. Однако смерть, наступив, не позволяет человеку что-то пережить. Она радикально и беспощадно обрывает все человеческие переживания, делая их невозможными. Человек может пережить предсмертные ощущения, но не смерть.

Зная, что время его жизни строго ограничено и что смерть может наступить в любой момент, человек начинает чрезвычайно ценить каждый час и каждый день своей жизни, воспринимая её как высшее благо. В отличие от животного человек имеет *сознательное* отношение к жизни. Подобное — *сознательное* — отношение к жизни может иметь только существо *разумное*, которое осознаёт недолговечность, бренность и тленность своего существования. Именно потому, что человек *осознаёт* преходящесть своего существования, он ставит вопрос о смысле своего ограниченного существования. В животном мире подобный вопрос никогда не ставился, ибо его там *некому* ставить.

Также в мире бессмертных разумных существ (если таковые, конечно, существуют) нет необходимости ставить вопрос о смысле жизни, ибо бессмертные существа не испытывают необходимости торопиться с поиском ответа на него. Вопрос о «смысле жизни» имеет смысл ставить только существу *преходящему* и *разумному*, т.е. человеку. Но в состоянии ли человек найти ответ на этот вопрос? Мы рассмотрим шаг за шагом все возможные варианты ответа на него.

Вначале укажу на тот момент, что, даже не имея конкретного ответа на вопрос о смысле своей жизни, человек а priori осознаёт, что на этот вопрос возможны только два ответа — (1) жизнь имеет смысл и (2) жизнь не имеет смысла. Я, однако, возьму на себя смелость утверждать, что на вопрос о смысле жизни возможен, в принципе, только один ответ и он гласит, что жизнь человека в любом случае имеет смысл. Основанием для такого моего категоричного суждения служит тот факт, что также отрицающий «смысл жизни» человек в действительности *имеет* его, ибо он его *ищет*. Сам по себе процесс «поиска смысла» наполняет его жизнь определённым смыслом, найти который человек не может только потому, что универсального и для всех, без исключения, людей одинакового «смысла жизни» просто не существует. Причина этого лежит в том, что «смысл жизни» не может быть навязан человеку извне, ибо то, что навязано человеку извне, никак не может стать для него «смыслом жизни». Когда мы говорим о «смысле жизни», мы имеем в виду внутренние убеждения человека, т.е. *его* намерения, *его* высшую цель, *его* личный план или же *его* веру, которые человеку никто, включая и философию, не может навязать или «продиктовать». Потому что если философия попытается определить «смысл» каждой конкретной человеческой жизни, то тогда и она привнесёт его извне. Философия не должна «диктовать» человеку «смысл», а она должна предоставить ему полную свободу самостоятельно определиться с ним. Но, предоставив ему эту свободу,

философия не должна оставлять человека один на один с проблемами его бытия, а она должна оказать ему *практическую* поддержку в их преодолении и решении, потому что находящийся в процессе поиска смысла жизни человек действительно нуждается в *философской* поддержке, без которой он может допустить опасные и даже трагические ошибки. История знает массу примеров подобных ошибок, когда отдельные личности открывали «смысл» своей жизни в том, чтобы уничтожать других людей, лишать их свободы или подчинять их себе.

Отсюда следует, что для того, чтобы «смысл жизни» не принял бесчеловечные, ужасные, жестокие и изуверские формы, он должен быть *философски* обоснованным. Прекрасным образцом подобного — философского — обоснования «смысла» индивидуальной человеческой жизни является кантовский категорический императив, который исходит из принципа — *die vernünftige Natur existiert als Zweck an sich selbst*¹⁷ (*разумная природа существует как цель сама по себе*). На основе этого фундаментального принципа Кант выдвигает своё требование, которое он ставит каждому человеку:

*«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»*¹⁸.

Другим путём, однако, пошёл Шопенгауэр, который был убеждён в том, что в этике не должно быть места ни императивам, ни законам. Этика, считал он, должна опираться не на *внешние*, а *внутренние* мотивы. Таким внутренним мотивом, считает он, является чувство человеческого сострадания, которое нашло своё отражение в общепризнанном принципе:

¹⁷ Kant, Immanuel. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Hamburg: Meiner, 1994. S. 51.

¹⁸ «Handle so, dass du die Menschheit, sowohl in deiner Person als in der Person eines jeden anderen, jederzeit zugleich al Zweck, niemals bloß als Mittel brauchst». Kant, Immanuel. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. S. 52.

«не причиняй никому вреда, а помогай всем, насколько можешь»¹⁹. Но проявляющий чувство сострадания к другим живым существам человек уже ведь наполнил свою жизнь «смыслом», к тому же высоким и благородным смыслом! Никто никогда не назовёт его помощь и его поддержку, которую он оказывает нуждающимся людям, «бессмысленным делом». Но что же тогда получается? Мы ищем повсюду «смысл жизни» и не можем его найти, а он, оказывается находится рядом с нами.

Я подведу итог нашим размышлениям. Философия, конечно, не может наполнить человеческую жизнь «смыслом», но она может помочь человеку организовать жизнь на *нравственных* началах и таким путём дать ей «смысл». В этом-то и заключается исключительная «польза» философии для жизни. Философия была и остаётся нашей незаменимой помощницей и спутницей. По этой причине мы имеем полное право сказать ей с благодарностью: *Vivat philosophia!*

Литература

Источники на русском языке

1. Августин Блаженный. О Граде Божиим. Творения (Том третий). Книги I-XIV. Кн. XIII. Гл. II. Под ред. С.И. Еремеева. Изд-во: «Алетейя». СПб/Киев, 1998.
2. Benjamin, Walter: *Über den Begriff der Geschichte* (1940). Беньямин Вальтер «О понятии истории». Журнал «Новое литературное обозрение». – 2000. – №46. – С. 81-90.
3. Буллер А. Три лекции о понятии «след». СПб.: «Алетейя», 2016.
4. Высоцкий, Владимир. Притча о правде и лжи. URL: https://www.youtube.com/watch?v=m_OCB3mkVzU

¹⁹ «[...] so will ich [...] das *Princip*, den *Grundsatz*, über dessen Inhalt alle Ethiker eigentlich einig sind, in so verschiedene Formen sie ihn auch kleiden, gleich hier auf den Ausdruck zurückführen, den ich für den allereinfachsten und reinsten halte: *Neminem laede; imo omnes, quantum potes, juva* [Verletze niemanden; vielmehr hilf allen, soweit du kannst]». Arthur Schopenhauer (1841, 1860[2]), *Preisschrift über die Grundlage der Moral*, in Arthur Schopenhauer, *Zürcher Ausgabe. Werke in zehn Bänden*, Band VI: *Kleine Schriften II: Die beiden Grundprobleme der Ethik*, Zürich 1977, S. 143–317: S. 176f. (§ 6).

5. Гусейнов, А.А. Этика ненасилия. Вопросы философии. 1992. №3. С. 72-81.
URL:<https://web.archive.org/web/20110808204414/http://www.philosophy.ru/library/vopros/23.html>
6. Платон. Федон. Этические выводы из учения о душе. URL:
<https://grani.roerich.com/plato/txt/phaedo3.htm>
7. Радио «Свобода»: Вице-адмирал флота призвал моряков выступить против Канта. URL: <https://www.svoboda.org/a/29634881.html>

Источники на иностранных языках

8. Foucault, Michel. Les hétérotopies. Le corps utopique (dt. Die Heteropien. Der utopische Körper). Berlin 2005.
9. Heidegger, Martin. Sein und Zeit. Elfte unveränderte Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag 1967.
10. Jankélévitch, Vladimir. La Mort Flammarion, 1977. Пер. Янкелевич В. Смерть. Москва, 1999.
11. Kant, Immanuel. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Hamburg: Meiner, 1994.
12. Marx, Karl Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. In: Marx, Karl / Engels, Friedrich Werke, Band 8. Dietz Verlag, Berlin/DDR, 1960. S. 111-207.
13. Nietzsche, Friedrich. Unzeitgemässe Betrachtungen. Zweites Stück: Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben (1874).
14. Schopenhauer, Arthur. Die Welt als Wille und Vorstellung.
15. Schopenhauer, Arthur. *Preisschrift über die Grundlage der Moral*, in Arthur Schopenhauer, *Zürcher Ausgabe. Werke in zehn Bänden*, Band VI: *Kleine Schriften II: Die beiden Grundprobleme der Ethik*, Zürich 1977.
16. Ziegler, E. Einleitung zu: Schopenhauer, Arthur. Über den Tod. Gedanken und Einsichten über letzte Dinge. Hg. v. Ernst Ziegler. München: Verlag C.H. Beck 2010.